

УДК 821.512.11

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СЧАСТЬЯ
В ПОЭЗИИ АЛЕКСЕЯ ВОРОБЬЕВА
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ***

**LITERARY AND PHILOSOPHICAL CONCEPT OF HAPPINESS
IN ALEKSEY VOROBYEV'S POETIC LITERATURE IN THE CONTEXT
OF NATIONAL CULTURAL TRADITIONS**

Е. Ю. Иванова

E. Y. Ivanova

*ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»,
г. Чебоксары*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования художественно-философских аспектов творчества чувашского поэта Алексея Воробьева с позиции выявления его национально-культурных истоков. В сравнительно-сопоставительном ключе с этико-философскими воззрениями этноса раскрываются индивидуально-авторские представления о счастье, особенности художественного воплощения данной категории в поэтической структуре произведений, ее связи с концепцией человека.

Abstract. The article presents the results of the research work of the literary and philosophical aspects of the Chuvash poet Aleksey Vorobyev from the point of revealing of the national and cultural origin of his literary works. The individual and author representations of happiness, peculiarities of literary expression of the concept of happiness in the poetic structure, the connection of this concept with the conception of the man are revealed in the comparative contrastive manner from the point of ethic and philosophical view of the ethnic group.

Ключевые слова: *творческая индивидуальность, национально-культурный контекст, художественно-философское мировосприятие, проблема счастья, художественная концепция человека.*

Keywords: *creative personality, national cultural context, literary and philosophical world view, problem of happiness, literary conception of the man.*

Актуальность исследуемой проблемы. За последние два десятка лет в российской науке появилось немало работ, в которых постижение нравственно-этических, философских и психологических аспектов художественного произведения или творчества автора сопрягается с установлением их национальной специфики. Как известно, творчество в генетическом плане находится в непосредственной связи с культурной действительностью автора. Согласно замечанию литературоведа Е. Ф. Хализева, «автор при всем том, что его личность уникальна и самоценна, мыслит и чувствует, действует и высказывается от лица неких человеческих общностей, порой весьма широких (течение общественной мысли, сословие и класс, нация, конфессия и т. п.)» [14, 388].

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-5658.2011.6

Мысль о произрастании творческой индивидуальности из национально-культурной действительности весьма реалистична по отношению к чувашскому поэту Алексею Воробьеву. Без преувеличения можно сказать, что имя этого художника для истинных знатоков его поэтического творчества находится в одном ряду с сильнейшими творцами, наследия которых несут художественно-философский потенциал национальной культуры, впитавший исконные этико-философские и эстетические представления народа. Как неотъемлемая черта творческой индивидуальности автора, национально-культурное в поэзии А. Воробьева обладает ценным художественным значением. Вследствие этого его изучение играет немаловажную роль в уяснении поэтики творца.

Выделение проблемы счастья из всей совокупности этико-философских воззрений автора также актуально и целесообразно. Во-первых, в силу того, что данная «фундаментальная категория человеческого бытия», определяемая зачастую как «конечная субъективная цель деятельности человека» [13, 844], находится в теснейшей взаимосвязи с вопросами смысла жизни, ее изучение, как нам представляется, даст возможность приблизиться к пониманию сущностных особенностей авторского видения мира, художественной концепции человека, модели взаимоотношений «человек – мир». Во-вторых, тема счастья занимает важное место в художественно-философских поисках исследуемого поэта.

Несмотря на свою неиссякаемую актуальность, проблема счастья, как и в целом духовно-философские искания чувашской литературы и их связь с национально-культурным контекстом, на сегодняшний день остается в науке малоизученной областью. Между тем ее решение может являть собой интерес не только для литературоведов, но и для исследователей философии и психологии чувашской культуры.

Материал и методика исследований. Материал исследования составили лирические и лиро-эпические произведения А. Воробьева, проанализированные в их внутренней целостности, согласованности частей и целого. Особое внимание было уделено идеино-тематическому и образно-символическому уровням поэтики автора. Сравнительно-сопоставительный и культурно-генетический подходы к изучению художественно-философского аспекта творчества поэта потребовали привлечения фольклора (в частности, пословиц и поговорок) чувашского народа, произведений других авторов, трудов по исследованию народной этики и философии.

Результаты исследований и их обсуждение. В словесной культуре чувашей проблема счастья занимает весьма значимое место. Для народа эта тема тесно связана с категориями добра и зла. Тяжелые периоды в исторической судьбе этноса лишь способствовали ее усилению в устном творчестве, о чем свидетельствуют многочисленные сказки, лирико-философские песни, баллады, пословицы и поговорки, эпос чувашского народа.

Тема счастья в качестве главенствующей выступает во многих классических произведениях чувашской литературы (поэзия М. Федорова, К. Иванова, В. Митты, драма Ф. Павлова, проза Ю. Скворцова, А. Артемьева и др.). Одна из ярких особенностей творчества этих авторов – особое внимание к судьбе человека и его внутреннему миру. Прослеживая судьбы героев, их переплетения, они неизбежно размышляют о счастье и путях его достижения.

Образ человека, прошедшего трудный жизненный путь, предстает в поэтическом творчестве А. Воробьева. Он несет во многом автобиографические черты. В произведениях автора отражаются эмоционально выношенные и философски осмысленные многогранные проявления жизни, выстраданная им непростая судьба простого крестьянина-земледельца,

воина-защитника, поэта-певца. Череду потрясений и нескончаемых испытаний, выпавших на долю поэта уже на заре жизни (война, ранение, голодный тыл, незаслуженный приговор и лишение свободы, клевета, предательство и т. п.), и стремление во что бы то ни стало устоять, сохранить человеческое достоинство способствовали глубоким размышлениям о судьбе человека и смысле бытия, усилили в творчестве мотив счастья.

«Тертсёр япалан техёмё сук» [15, 150] / «Без мученья приобретенное вкуса не имеет», – говорят чувашаши (подстрочный перевод здесь и далее, кроме оговоренных случаев, наш. – И. Е.). Как признается А. Воробьев в стихотворении «Любовь», именно трудности и невзгоды: тяжелый труд, лишения, ситуации на грани жизни и смерти – привели к осознанию ценности жизни, пробудили сильную любовь к ней («Вилёме чър пӑхса куҫёнчен Пурнӑса юратма эп вӑреннӑ» [4, 177] / «Смерти глядя в глаза, Учился я жизнь любить»). Видимо, по этой причине в каждой строке А. Воробьева бьется пульс жизни, живет жажда счастья.

Несмотря на трудную судьбу автора, в поэтическом мире А. Воробьева много солнца – света и тепла. Его лирический герой, оставив позади несчастья, войну, холод и голод, сегодня вместе с народом и страной радуется наступлению мира и достатка: «Телей пуртан, пурнас кун-сул пуртан Чун тасалать мӑн Атӑл пек пӑртан» [6, 72] / «От того, что есть счастье, есть жизнь, Душа освобождается, как ото льда большая Волга» («Приглашение в гости»). Счастливое состояние его души выражено через обилие солнечного света, искры, огня – с одной стороны, и хлеба – с другой: «Манра хресчен телейӑ тем – Асрах кӑр умӑнхи йӑтем. Самант эс тӑлӑнсе пӑхан: Хӑрелнӑ тухӑҫ пек – капан, Атте кӑлте перет сӑле. Кашни кӑлти – хӑрӑ шевле. Кашни пучахӑ – хӑм пӑрчи, Кӑвар сапса вӑҫет пӑр си. Хӑвел тӑрать йӑл-йӑл сунса, Ирӑлтерет шур пӑлӑте... Атте персе яран кӑлте Сӑҫет-им сар хӑвел пулса?» [6, 72] / «Опять гуляет осень на гумне. Душа крестьянина опять живет во мне. ...Опять смотрю я с удивлением во взоре – вот красные скирды вздымаются, как зори. А солнце плавит облака – горит овином, и, как пучки лучей, снопы лежат на вилах. И, словно ворохи углей, искрят колосья. Как залетевший в небо сноп, пылает солнце!» («На гумне», перевод В. Кострова) [2, 46].

Несомненно, солнце и хлеб в поэзии А. Воробьева – это символы счастья и мирной жизни. Поэт пишет о них с любовью, уподобляя друг другу. «Ӑна аннем кӑмакаран Паян ир пӑҫерсе кӑларнӑ» [6, 178] / «Его мать моя в печи сегодня Испекла утренней ранью», – говорит он о светиле («О полоске»). И с искренней радостью вкушает каравай, «озаривший кухню»: «Хӑвел пайӑрки пек хӑлхемлӑн Куҫать ун ӑшши ман ӑте. Эп ӑмет ситнӑшӑн хаваслӑ» [6, 194] / «Как луч солнца, его тепло, искрясь, переходит в мое тело. Я рад, что мечта стала явью» («Каравай»). Тем не менее в памяти поэта все еще живы картины горького прошлого страны («Рукавица», «Далекий голос», «Женская судьба», «Цветок победы», «Конец трудного пути», «Большак» и др.). «Оно не было без лебеды» («Земляк»), поэтому для поэта отнюдь не маловажно донести до читателя правду о том, что солнце было «выплавлено на поле битвы» [4, 59] ценой огромных потерь («Дедушка»).

В народной философии чувашей испокон веков отмечалось, что счастье и горе всегда рядом. Они, как день и ночь, одно без другого в мире не существуют. Пословицы содержат богатый материал, фиксирующий мысль о том, что счастье – это благо, выношенное страданиями и муками: «Телей те тертсӑрех тупӑнмасть» [15, 46] / «Счастье без мучений не найти», «Тертленмесӑр телей сук» [15, 150] / «Пока не пострадаешь, счастья нет», «Хӑн курмасӑр ырлӑх сук» [15, 151] / «Пока не познаешь тяготы, блаженства нет», «Нуша хыҫӑнче телей мӑлки пур теҫӑ» [15, 149] / «За нуждой тень счастья есть, говорят».

Для художественного сознания А. Воробьева характерно традиционное восприятие счастья. Поэт говорит о счастье, которое обретается через страдания, и поэтому часто строит свою речь на воспоминаниях, сопоставляя картины мрачного прошлого и светлого настоящего («Хлеб», «На опушке леса», «Сокрушая землю, бушевала буря...», «Черемуха» и др.).

Например, из двух контрастных частей состоит стихотворение «Хлеб». В его начале – картина голодного тыла, воспроизведенная в памяти автора, возвращающегося домой с войны. В ней изображается обессилевший подросток, который вышел в весеннее поле в надежде найти прошлогодний картофель («Тем чавалать пёр җамрәк хәвәрт, Алли те, пиче те хура» / «Что-то копает один юноша торопливо, И руки, и лицо в грязи», «Сул-каланатъ пёччен шурутән, Асәрхамастъ мана пачах» / «Пошатывается, как одинокий пырей, И вовсе меня не замечает», «Пёр җёрулми сирсе кәларчә» / «Вот одну картошку выкопал»). В конце стихотворения предстает противоположная картина:

<...> Кур паян:

Кашлатъ тәван колхоз уй-хире,
Кашлатъ пучахә йывәртан.

Юкса килет әш җил ачаше
Ёсре җёкленне юрапа.
Пёр сарә каччә (җав ача-ши?)
Комбайнпа выратъ урпа.

Әна телей курмашкән пүрне,
Вәл җавәнпа кулатъ йәл-ял.
Ун аллипе җак мирлә пурнаҗ
Халь тытна җиреппән штурвал [6, 97].

<...> Глянь сегодня:

Колышутся поля родного колхоза,
Колышутся от тяжести колосьев.

Льется нежность теплого ветра
С парящей песнею труда.
Красавец парень (тот ли подросток?)
Комбайном убирает ячмень.

Ему суждено увидеть счастье,
Поэтому он светится улыбкой.
Его руками эта мирная жизнь
Сейчас крепко держит штурвал.

Тяжелые колосья, красивый парень, светлая улыбка, песня – все это становится для поэта олицетворением мира и счастья. Автор подчеркивает: каждый человек, беря в руки хлеб, должен всегда помнить, что благоденствует в «свободе, рожденной в огне».

Оппозиция «горе – счастье» является в творчестве А. Воробьева концептуальной составляющей и зачастую, так же как и в приведенном выше стихотворении, становится основой антитетической композиции произведений. В качестве следующего примера можно назвать стихотворение «На опушке леса», раскрывающее тему народного героизма на войне. В образе леса, изображенного здесь в двух состояниях – в сегодняшнем весеннем ликовании и в живущей в его горьких воспоминаниях героической схватке с разрушительной снежной бурей, – предстает народ, который обрел свое счастье, мужественно пережив испытания войной.

Ирех кунта хёвелён сар ури
Сиксе ташлатъ пиншер турат җинче.
Кашни папкан чәл уҗә куҗёнче
Аван курнатъ җурхи телей пурри.

<...>

Вәрман хёрри паян та астәватъ
Хёл кунёнче алхасрә җил-тәман.
Туратсене хуҗсассән та асат
Юрпа кёрешне йывәҗ, парәнман.

С самого утра здесь золотые ноги солнца
Пляшут на тысячах веток.
В широко раскрытых глазах каждой почки
Хорошо виднеется весеннее счастье.

<...>

Помнит лес до сегодняшней поры:
В зимние дни неистовствовала буря.
Хоть и поломала ветви беда,
Но сражалось со снегом дерево, не сдавалось.

<...>

Ѕук, паттӑрсем пулмаҫҫӗ терт хурри.
Типет суран,
Вӑй пур папкасенче.
Кураӑп эп: хӗвелӗн сар ури
Сиксе ташлать пиншер турат ҫинче.
(«Вӑрман хӗрринче») [7, 72]

<...>

Нет, героям не знать позора.
Раны затягиваются,
Сила есть в почках.
Вижу я: золотые ноги солнца
Пляшут на тысячах веток.
(«На опушке леса»)

Лирический герой А. Воробьева – хлебороб, «человек, живущий в обнимку с природой» [9, 3], как и сам поэт, много лет проработавший на полях родного колхоза. В связи с этим и образы для выражения собственных мыслей и чувств он непосредственно находит в природе, в окружающей его крестьянской среде.

Мотив счастья в поэтике А. Воробьева сопровождается рядом следующих ассоциативных образов: ясная погода, утро, теплое время года, распускание почек на деревьях, колошение и созревание хлебов, плодов и т. д. Самый распространенный и часто воспроизводимый автором символ счастья – это колошение злаков: «Ѕын телейӗ пучах пек тулса Тӗшше ларнӑн туйӑнать паян» [4, 156] / «Счастье человека, словно колос, Сегодня наливаются зерном» («Восемь строчек – один сверток»). Художник обращается к древнейшему символу человека – растению. Ясно, что в жизни последнего принесение плодов как самореализация является вершинной стадией. Так же и счастье для человека, по сути, есть возвышенное состояние души, момент достижения цели.

Состояние счастья выражается и в цветосимволике. Счастливый мир в произведениях А. Воробьева сияет желтым солнечным цветом: искрятся лучи-ноги солнца, колыхается золотая нива, улыбается красавец парень «сарӑ каччӑ» [6, 97]:

Ман чӗрере – виҫеҫӗр юрату,
Ѕӗр-шивӑм,
Санӑн айламу-сӑрту,
Пучахсемпе хумханакан инҫет
Манӑн куҫра телей пулса ҫиҫет.
(«Юрату») [6, 93]

В моем сердце – безмерная любовь,
Родина моя,
Твои низины и холмы,
Колосьями колышущаяся даль
В моих глазах сияют счастьем.
(«Любовь»)

Известно, что в чувашском фольклоре желтый (солнечный) цвет «сарӑ» относится к миру Прекрасного. С помощью эпитета «сарӑ» народ подчеркивает совершенство упоминаемого объекта и свое благорасположение к нему. Так, о красивой девушке говорят «сарӑ хӗр», о цветке – «сар чечек», о меде – «сарӑ пыл», о певчей птичке – «сарӑ кайӑк». Предыдущие наши исследования показали, что и в поэтике А. Воробьева этот цвет сохраняет связи с категорией совершенства, поэтому выступает символом счастья и сопутствующих ему явлений – радости, достатка, мира, добра и красоты («Ширтан», «Топленое масло», «Невестка», «Цивильский мост») [8].

Поэзия А. Воробьева в своей основе – это итог глубоких размышлений художника о сущности такого феномена, как счастье, его источниках, связях с характером человека, окружающей средой и, конечно же, путях его достижения. В понимании автора как представителя чувашского народа счастье – это, с одной стороны, благо, даруемое свыше, удачная судьба, а с другой – удовлетворительный результат жизнедеятельности человека. Чуваши верили: «Телей Турӑ аллинче» [15, 146] / «Счастье в Божьих руках». Но вместе с тем отмечали, что

счастье зависит и от самого человека, его способностей и стремления поймать ту самую «птицу счастья» из сказок: «Телейён хўри кёске, часах тытма сук» [15, 146] / «Хвост счастья короток, быстро не поймать», «Телей каййкё пурне те тыттармасть» [15, 145] / «Птица счастья не всем дается в руки». Необходимыми для обретения счастья внутренними качествами народ считает крепость характера, целеустремленность, терпение и трудолюбие: «Телей вайли енче» [15, 145] / «Счастье на стороне сильного», «Чи телейли – ёсе юратакан» [15, 148] / «Самый счастливый – трудолюбивый», «Чятәмләхра ылтан чанкартатат теҫсё» [15, 208] / «В терпеливости золото звенит», «Түсәмләх ырләх анине ҫитерет» [15, 208] / «Выносливость на поле добра приводит». Не случайно же терпеливость рассматривается чувашами как качество, возвышающее человека, ибо это свойство присуще самому Верховному Богу «Ҷўлти Турă» («Гуррăн чятәмё пысăк» [15, 50] / «У Бога терпение огромно»).

Несмотря на сложные перипетии судьбы, лирический герой А. Воробьева не считает себя неудачником: «Телейрен эпё катăк пулмарăм» [6, 109] / «Счастьем я не был обделен» («Любовь – дар природы...»), «Аллăмра ман ик кёсмен – Шанчăкпа Чун ёненни. Ҷил кимме тўнтересрен Пур кăштах телей тени» [6, 216] / «В руках у меня два весла – Надежда и Вера. Чтобы ветер не опрокинул лодку, Есть немного того, что называется счастьем» («Душа не покрыта же инеем...»). Но он тоже подчеркивает востребованность личных качеств и усилий индивида на пути к счастью. К тому же именно в неустанном движении к счастью, по его глубокому убеждению, происходит личностное становление и развитие: «Хăвна телейшён пар эс пётём, Унран килет ҫын пуласси» [3, 31] / «Отдай себя всецело ради счастья, От этого зависит, станешь ли человеком» («Не приставай, злой дух...»).

Как видно, проблема счастья в творчестве А. Воробьева сопрягается с концепцией человека. Художественный идеал поэта – это тот, кто неутомимым трудом возвращает собственное счастье на поле жизни («Зерна слов»). А. Воробьев восхваляет в человеке такие качества, как трудолюбие, сила воли, терпение, смелость, стойкость и порыв к мечте. Его лирический герой, будучи с детства закаленным крестьянским трудом, не привык падать духом и сгибаться перед трудностями («Не безмолвствуй, дай голос...», «Ожидание любви», «Ветряная мельница»). Он – борец за счастье, жизнь, честь и достоинство, торжество мира и добра. «Ёсе кăна савать текех хул-сұрăм. Кёрешёве кăна савать чёрем» [6, 24] / «Только труд приемлет мое тело, Только борьбу приемлет мое сердце», – заявляет он уверенно («Ночь весеннюю...»), словно в один голос со своим предшественником, «пламенным поэтом» Михаилом Сеспелем. Этот близкий ему по духу поэт, который всем сердцем был устремлен к мечте – солнечному будущему родного народа, в свое время писал: «Кёрешў вутне анчах Кăмăллать ман вутлă чунăм» / «Огнекрылою душой Я приемлю только бой» («Морю», перевод А. Смолина) [11, 41]. Не случайно же их объединяют живущие в них «стальная вера» [11, 47] (М. Сеспель) и «сила-искра надежды» [4, 76] (А. Воробьев), без которых меркнет мечта, не будет счастья и жизнь, скорее, обернется в бессмысленность. Вера и Надежда – непреложные ценности для А. Воробьева: «Пурнайман эсё ёненўсёр, Чёре апачёсёр, пёр кун» [4, 52] / «Не проживешь ты без веры, Пищи сердца, ни дня» («Вера»), «Телей пурах ёненнинче <...>» / «Все же есть счастье в вере <...>» («Большак»), «Салам яланләх шанчăка!» [6, 226], «Да здравствует вечная надежда!» («Строки о любви»), «Эп шанчăкпа пăхатăп мал енне» [6, 24], «Я с надеждой смотрю на восход» («Ночь весеннюю...»).

В литературе XX века мотив борьбы и непобедимые герои были весьма актуальны: классовая вражда, противоборство нового и старого. Усилила эту тему и Великая Отече-

ственная война. Но главная борьба, как считает А. Воробьев, – это борьба человека с самим собой, с личными пороками, препятствующими счастью: «Хавна ху сѣнме чи йывѣрри» [4, 171] / «Победить себя самого труднее» («Немало вреда себе я принес...»).

Авторский идеал в произведениях А. Воробьева нашел художественное выражение в сквозных символических образах. Среди них следует назвать дерево, противостоящее сильному ветру, снежной или огненной буре («Черемуха», «Вяз», «Старый дуб», «Сосна на утесе»), и выдерживающее смертельный холод («Липа», «Яблоня», «Черемуховый холод»); росток ржи, выживающий на ледяном ветру в поле («Молодая озимь»); терпеливое зернышко («Зерно»). Все они выступают воплощением мысли о том, что путь к счастью лежит через страдания и преодоление препятствий.

О необходимости принимать жизненные трудности как неизбежность, преподносимую неподвластной человеческой воле судьбой, и в упорной борьбе с ними находить свое счастье говорится в стихотворении «Зерно». Автор размышляет о судьбе золотистого зернышка, попавшего в безвоздушное ледяное пространство и терпеливо дожидаясь скорейшего наступления тепла.

Суллахи кун вѣл пурнѣс курѣ,
Ытран вѣл ситѣ тѣкеле.
Ытарайми пучах ѣлккенѣ
Хирте хѣм сапѣ ир те каҫ.
Пур тырѣ та шепрех фѣкленѣ
Ун пуллѣхне кура тѣркач [7, 73].

Летним днем оно жизнь увидит,
Из одного преумножится.
Неописуемая красота колоса
В поле будет искриться и днем, и ночью.
Все хлеба взойдут лучше,
Увидев его урожайность.

Эта картина – в мечтах. Но автор уверен: «Ҫак ырлѣха сар пѣрчѣ курѣ. Ахаль-и тѣсмелѣ вѣл халь?» / «Это счастье увидит золотое зерно. Зазреть ли терпеливо оно сейчас?» Поэтому в его словах – суровая правда: «Мѣнех, пѣрче шеллессѣм пур-и? Шѣпи ҫапла, ун тѣсмелле» / «Пожалеть мне зернышко? Коль суждено, оно терпеть должно». Даже умение мечтать и ждать, не теряя надежды, по мнению автора, есть проявление духа борьбы и обязательное условие для счастья. Как говорится в народной пословице: «Ырра ѣмѣтленни – ҫур телей, ѣмѣт пурнѣсланни – чѣн телей» / «Добрая мечта – половина счастья, осуществление мечты – настоящее счастье» [15, 44].

Несомненно, лирический герой А. Воробьева в жизни руководствуется главным принципом природы – «всему свое время». На этом основывается художественная идея стихотворения «Зерно». Можно подумать, что и секрет оптимизма, гармоничного восприятия мира в поэзии А. Воробьева во многом исходит оттуда же.

Двойственность бытия и вечное противоборство полярностей, как и превосходство добра над злом (ведь иначе и жизни не было бы), – для А. Воробьева известная истина. Его лирический герой с честью и достоинством принимает от жизни и сладость, и горечь: «Армути шывне те ѣснѣ, Пыл курки те сиктермен» [6, 135] / «Пили мы и настой из полыни, Не пропускали и ковш медовый» («Цивильский мост»). Ему, земледельцу, как никому другому, известно, что на ниве жизни рядом растут «золотая пшеница» и «черная лебеда» («Восемь строчек – один сверток»). Наверняка поэтому его смелость удивительным образом граничит с мудростью:

Турккес сынсен шѣпи пек тикѣс
Ан пултѣр, тетѣп, ман шѣпа.

Гладкой, как у дерзких людей,
Не желаю, чтоб была судьба моя.

<...>

Курмаллине курам хӳюллӳн <...>
(«Сӳра сӳнсен ӳна, тен, тиркӳс...»)
[6, 232]

<...>

Что суждено, пусть увижу я <...>.
(«Когда преподносится пиво...»)

Лирический герой А. Воробьева решительно осознает, что именно пережитое сделало его тем, кем сейчас он является. «Тӳссе курни – ман ырлӳхпа инкек. Эп унсӳр кам? / «Пережитое – мое счастье и горе. Кто я без них?» – задается он вопросом и шутливо добавляет: «Сара сӳрси кӳна / «Лишь голый воробей». Он принимает судьбу такой, какой она ему дана: «Кун-сӳл ялан сӳсеймӳ тӳкӳрле, Сӳпах нихсан ылханмӳп шӳпама» / «Жизнь не может постоянно сиять, как зеркало, Все равно не буду сетовать на судьбу» («Волосы – белый ковыль...») [6, 36].

Секрет счастья, душевной гармонии лирического героя А. Воробьева прекрасно раскрывает мысль, приведенная в работе польского исследователя В. Татаркевича «О счастье и совершенстве человека»: «Будет ли человек счастливым – зависит не только от того, что ему встречается в жизни, но и от того, как он реагирует на все происходящее с ним. <...> Счастье зависит не только от внешних источников, но и от внутренних условий, не только от судьбы человека, но и от его личности» [12, 169].

Так и есть, в поэзии А. Воробьева выступает человек, который наряду с готовностью постоять за свое счастье обладает еще одной не менее важной чертой – смиренным отношением к двойственности жизни: «Кун-сӳл туту-маси Ялан пыл пулмӳ, ан та пултӳр» [4, 149] / «Вкус жизни не всегда мед, пусть так и будет» («Зеленый платок»), «Асап та кирлӳ сӳр сӳнче, Телей хакне пӳлеймӳн унсӳр» [5, 52] / «И мученья нужны на земле, Иначе не узнаешь цену счастью» («И мученья нужны на земле...»).

Немаловажны для счастья не только связи с характером человека, но и связи с окружающим миром. Конечно же, они многообразны, и степень их влияния на жизнь индивида также различна. Ясно одно: «человеку в зависимости от психического типа, к которому он принадлежит, необходимо для счастья чаще или реже общаться с людьми или больше или меньше пребывать в одиночестве» [12, 128].

Лирический герой А. Воробьева по складу души – оптимист. Он не бежит от общества и не ищет счастья вдалеке от своего народа, родины, как герой-одиночка, а наоборот, всем сердцем тянется к людям, в которых он верит, как дитя («Сынсем, сире курма эп тухрӳм, Эп упа мар супма пӳччен» [6, 186] / «Люди, я вышел повидать вас. Я не медведь, чтоб жить один» [6, 186], «Сынсем, сире кӳтетӳп эп» [6, 215] / «Люди, жду я вас» [6, 215], «Сынна ача пек ӳненмесӳр Епле пурнас ман сӳр сӳнче» [6, 183] / «Не веря людям, как дитя, как я буду жить» [6, 183]).

И по этой причине в качестве источников счастья А. Воробьев без колебаний признает родину, труд на благо народа, любовь, дружеские связи и общение с людьми. Он воспевает любовь («Любовь – дар природы...», «Как только ты придешь...», «Девичий поцелуй», «Поцелуев лог», «Подсолнух» и др.), семейные узы («Невестка», «Строки о любви», «Разговор в поле»): «Юрату – телей этемшӳн» [6, 222] / «Любовь – счастье для человека» («Ночи черные крылья...»), «Мӳшӳрпа сӳс пӳччен сын малашӳ <...> Эс хӳрах сунатпа сӳкленеймӳн Чӳн телей тӳпине нихӳсан» [4, 44] / «Только в паре будущее одиночки <...> Ты с одним крылом не поднимешься В небо счастья никогда» («Слава тебе, двойка!»). Одиночество в его восприятии чревато тоской, упадком сил и даже презрением

окружающих: «Телей пирки ан та палка <...> Пёччен пуç – суралман папка. Улми сук йывăсĕ сиче» [4, 203] / «Про счастье и не болтай <...> Одинокая голова – нераспустившаяся почка. Плодов нет на дереве» («Один»).

«Такова двойственная природа счастья, – подмечает упомянутый выше ученый В. Татаркевич, – оно является внутренним состоянием, но нуждается в помощи извне: мы носим его в себе, но имеем не только благодаря себе. Сам по себе внешний мир не дает счастья, не поможет даже самая благосклонная судьба, если мы не имеем соответствующей внутренней основы. Но эта внутренняя основа должна быть обращена к внешнему миру, он должен заполнить нашу жизнь, иначе она будет убогой и нудной» [12, 121]. В подтверждение своих слов он обращается к мысли английского философа Б. Рассела, считавшего, что «ничто так не надоедает, как быть замкнутым в самом себе, и ничто не дает столько радости, как обращение внимания и энергии вовне» [12, 121].

Духовно-нравственные традиции родного народа привили лирическому герою А. Воробьева уважение к дружбе и потребность в единении с людьми, выработали в нем убежденность в том, что счастье человека не может быть достигнуто вне интересов общества. В этом он не одинок в чувашской поэзии. О дружбе и родственных связях одобрительно отзывается, например, лирический герой поэмы «Тайр» (1948–1956) Василия Митты: «Ман пурлăхăм чух, пин ылтăнăм сук, Нумай кирлĕ мар тăван пĕрле чух. <...> Тату пурнăса, элле, мĕн ситет? <...> Пурри вăл – пĕрле, сукки – сурмалла» [10, 155] / «Моего богатства ни больше, ни меньше, Несметного золота нет, Много не надо, когда родня рядом. <...> Что сравнится с жизнью в мире и согласии? <...> Что есть – то общее, чего нет – напополам». В другом стихотворении этот поэт пишет: «Юлташлăхра телей иккен-мĕн, Илем юлташлăхра кăна!» [10, 75] / «В дружбе – счастье, оказывается, Красота только в дружбе!» [10, 75]. «Чăн туслăхра пур кивелми илемлĕх» [4, 178] / «В настоящей дружбе есть неувядающая красота», – подмечает и А. Воробьев («Друг, вот-вот поднимешься ты в небо...»).

Мысль о том, что человеку необходимо отдавать свои силы, умение, талант, душевное тепло людям, всецело пронизывает размышления автора о смысле жизни в поэме А. Воробьева «Кибенек» (название сельского кладбища. – Е. И.). Герой-повествователь, прибывший на могилу матери, терзает себя мыслью о бренности человеческой жизни и приходит к выводу, что только труд и борьба, совершаемые во благо семьи, народа, страны, составляют смысл бытия. В доказательство своих суждений он прослеживает судьбу матери, отца-фронтовика, пионера-героя, жизни которых прошли в тяжелом труде и борьбе за счастье будущего поколения. Автор акцентирует внимание и на судьбе отрицательного персонажа, бывшего «кровопийцы села», которого встречает в вечернем мраке перед уходом с кладбища. Неутешительное признание старика, ныне «бедолаги» («Ниме тăмарĕ пурăнни...» [6, 92] / «Впустую жизнь прошла...»), подводит его к уверенному выводу о ценности доброго имени: «Кун курнă чух Сынпа эс пурăн. Вилсесĕн – юлтăр ыра ят!» [6, 93] / «Пока живешь – С людьми живи. После смерти чтоб осталось доброе имя!» Таким образом, проблема счастья в поэме переплетается с темой памяти.

В силу национально-культурных традиций неразрывны в творчестве А. Воробьева также понятия труда и счастья. Именно созидательный труд, по представлению автора, приносит человеку доброе имя и память в сердцах потомков. Народная мудрость гласит: «Ёсре тупнă телей сăваплă» [15, 308] / «Обретенное в труде счастье благодатно». Как отмечает исследователь этнопедагогики Г. Н. Волков, чуваша всегда считали труд главным условием нравственного воспитания подрастающего поколения: «Как только рождался

ребенок, он сразу попадал в трудовую атмосферу семьи, улицы, деревни, его сразу окружала целая система трудовых традиций. Все кругом звало к труду. Все кругом трудились, в труде состоял смысл жизни крестьян. <...> Безделье исключалось самой окружающей действительностью» [1, 190].

Труд для чувашей – опора жизни («Ёс вӑл – пурнӑс тыткӑсӗ» [15, 303] / «Труд – это опора жизни»), залог достижения счастья («Телее ёсре шыра» [15, 144] / «Ищи счастье в труде»), а также эффективный метод вытеснения горя («Ёс хуйха сирет, кӑмӑла сӗклет» / «Работа горе вытесняет, настроение поднимает», «Хуйхӑ-суйхӑ хупӑрласан хусӑк тыт» [15, 152] / «Когда накроет горе, берись за лопату»).

Спасительная сила труда знакома и лирическому герою А. Воробьева: «Хӗрсе хул-сӑрӑм тарласан Темле хӗн-хуйхӑ та шӑранӗ» [6, 153] / «Когда тело вспотеет в работе, Любое горе растопится», – говорит он («Второе счастье»), а дружная работа в поле дарит ему поэтическое вдохновение («Хороший метод»). Он душой и телом устремляется к труду как к источнику счастья: «Ўркенчӗк чун, сӗнел те улшӑн, Ёсре тарлам эп тӑтӑшах» [4, 58] / «Ленивая душа, обновляйся и преображайся, Хочу трудиться в поте лица часто» («Дедушка»), «Хирте сӑн-сӑрӑм хӗриччен Йышпа суха тӑвасчӗ ман» [6, 94] / «В поле до разогрева тела Пахать бы мне вместе со всеми» («Зерна слов»). Эта особенность получила яркое выражение в стихотворении «У костра». В нем лирический герой делится впечатлениями от тяжелого рабочего дня, проведенного на пашне, размышляет о пользе труда для здоровья, мечтает о любимой. А главное, он по-настоящему наслаждается своим счастьем от ощущения личного вклада в общее дело народа, пусть даже вклад этот величиной, можно сказать, с зернышко, из которого уже «новый день восходит».

Вут ӑшшинче типет сӑн-сӑрӑм.
Этемшӗн ёс килет сипе.
Паян эс утнӑ ситмӗл сӑхрӑм
Телей сухийӗн кассипе [4, 21].

В тепле костра подсыхает тело,
Для человека труд идет во здравие.
Сегодня ты прошел семьдесят верст
По бороздам счастья.

Поэзия А. Воробьева прославляет тяжелый труд хлебороба: «Чӑн-чӑн ёс паттӑрӗ – сухаҫ» [6, 25] / «Настоящий герой труда – пахарь» («Окажись ты позади...»). Но главным источником счастья для автора все же является поэтический труд, хотя эта радость также не дается без творческих мук («Молодому поэту», «Воз поэзии»). Всю жизнь А. Воробьев горел желанием вырастить в поле поэзии красоту на радость людям: «Сын тени хаваслӑ пултӑр, Парнелем ӑна илем!» / «Пусть человек будет радостным, Подарю ему красоту!» («Когда видим красоту»), сеял «сар хӗмлӗ пӗрчӗ» [4, 22] / «искристое золотое зерно» («Весенний сев») своей души, чтобы на собственной ладони преподнести народу настоящее художественное слово – «янравлӑ тӗшӗ» [4, 207] / «звонкое зернышко» («Стоим на земле крепко...»). Отождествляя творчество с трудом земледельца, он говорит: «Ман кӗнекем калча пулса хӑпартӑр» [6, 147] / «Пусть моя книга Взойдет зеленым ростком» («Главная книга»), «Сынна пулинчӗ юрӑхлӑ ман ёсӗм, Вӑл сӑкӑр пек выртинчӗ ун умне» [6, 98] / «Пусть людям пригодится труд мой, Пусть они будут ценить его, как хлеб» («Сентябрь»), «Сӑмах тӗшши акасчӗ ман Хастар сынсен чӗрисене. Пӗлесчӗ – манӑн вӑрлӑхран Телей калчи ӱсессине» [6, 94] / «Зерна слов посеять бы мне В сердца отважных людей. Знать бы, что из моего зернышка Взойдет росток счастья» («Зерна слов»). Счастье поэта заключается в самоотверженном труде ради блага людей:

Сынна телей сеш парнелем,
Асапё юлтӑр хам валли.
Пёртен-пёр юррӑм пулӑ ман,
Ана сынна савса хывас,
Тус-гантӑшсем хавас пулсан,
Ача пек эпӑ те хавас.
(«Сурхи») [6, 34]

Только счастье буду я дарить людям,
А муки пусть останутся со мной.
Лишь одна песня будет у меня,
Буду слагать ее с любовью к людям.
Если рады мои друзья,
Я тоже рад, как ребенок.
(«Весеннее»)

Неугасаемая истина: «Малтан сынна телейлӑ ту – Телейлӑ пулӑн эсӑ тин» [4, 136] / «Сначала другого сделай счастливым – Счастливым ты будешь лишь тогда» («Пожелание счастья»).

Резюме. Художественно-философская концепция счастья в поэзии Алексея Воробьева отражает сущностное своеобразие авторского понимания действительности, смысла жизни, характера взаимоотношений человека с окружающим миром, систему его ценностей и художественный идеал. Представления творца о счастье и особенности воплощения данной категории в поэтике произведений при всей его творческой оригинальности сохраняют глубинные связи с этико-философскими и эстетическими традициями национальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков, Г. Н. Этнопедагогика чувашей / Г. Н. Волков. – М. : Пресс-сервис, 1997. – 441 с.
2. Воробьев, А. А. Ветла : стихотворения и поэмы / пер. с чуваш. ; А.А. Воробьев. – М. : Сов. Россия, 1986. – 128 с.
3. Воробьев, А. А. Хӑвӑлсаврӑнӑш (Подсолнух) : сӑвӑсемпе поэма / А.А. Воробьев. – Шупашкар : Чӑваш АССР кӑнеке издательстви, 1969. – 112 с.
4. Воробьев, А. А. Кӑнтӑрла (Полдень) : суйласа илнӑ сӑвӑсем / А. А. Воробьев. – Шупашкар : Чӑваш кӑнеке издательстви, 1972. – 215 с.
5. Воробьев, А. А. Пуҫлӑк (Изголовье) : ятарлӑ кӑларӑм / А. А. Воробьев // Тӑван Атӑл (Родная Волга). – 1997. – № 10–12.
6. Воробьев, А. А. Хиртех ман чун (Сердце мое в поле) : сӑвӑсемпе поэмӑсем / А. А. Воробьев. – Шупашкар : Чӑваш кӑнеке издательстви, 1982. – 238 с.
7. Воробьев, А. А. Юратнӑ сӑнсем (Любимые черты) : сӑвӑсем / А. А. Воробьев. – Шупашкар : Чӑваш АССР государство издательстви, 1961. – 112 с.
8. Иванова, Е. Ю. Цветосимволика в поэзии Алексея Воробьева / Е. Ю. Иванова // Народные и профессиональные традиции в культуре Чувашии : сб. ст. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. – С. 20–27.
9. Макаров, А. Свет зари / А. Макаров // Дружба народов. – 1967. – № 5. – С. 3.
10. Митта, В. Ҫырнисен пуххи. 1 том. Сӑвӑсемпе поэмӑсем, куҫарусем (Собрание сочинений. Том 1. Стихи, поэмы, переводы) / В. Митта. – Шупашкар : Чӑваш кӑнеке издательстви, 2004. – 399 с.
11. Сеспель, М. С эних пор : стихи / М. Сеспель. – Чебоксары : Издательство ЧГИГН, 1999. – 60 с.
12. Татаркевич, В. О счастье и совершенстве человека / В. Татаркевич ; сост. и пер. с польского Л. В. Коноваловой ; В. Татаркевич. – М. : Прогресс, 1981. – 368 с.
13. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2006. – 1072 с.
14. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник / В. Е. Хализев. – М. : Высш. шк., 2002. – 437 с.
15. Чӑваш халӑх пултарулахӑ. Ваттисен сӑмахӑсем (Чувашское народное творчество. Пословицы и поговорки). – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 493 с.